

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права,
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru
+79000000060

Igor N. Ivanenko

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru
+79000000060

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР
ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ДО
ИМПЕРАТОРСКОГО ПЕРИОДА**

**TO THE QUESTION ABOUT INTERACTION OF DOMESTIC
STRUCTURES OF STATE AND LOCAL GOVERNMENT BEFORE THE
IMPERIAL PERIOD**

Аннотация. Работа посвящена прояснению сущности внутриполитической субъектности отечественного социума, а именно складывающейся специфики взаимодействия макросоциальных (государственных) управленческих структур и низовых (местных) учреждений. Для этого автор стремится определить наиболее важные факторы, отражающиеся на российской управленческой специфике, а также анализирует общую динамику отечественного внутриполитического развития вплоть до конца XVII в. В целом автор приходит к заключению о успешности гипотезы по поводу того, что культура отечественного деспотизма была сформирована главным образом в императорский период. Тенденции последовательного ограничения низовых инициатив наблюдаются в течении большей части периода российской истории до петровских реформ. Отечественная государственная власть с момента своего зарождения стремится к укреплению своего положения посредством сосредоточения всех основных управленческих функций, подчиняя все иные управленческие субъекты. Этому процессу способствовал ряд объективных факторов – протяженность территории, скудость ресурсов, что требовало наличия жесткой системы распределения на государственном уровне, наконец, частые (если не постоянные) угрозы как с Востока, так и с Запада. Отсюда делается общий вывод об объективности и историчности тенденций усиления государственного контроля над структурами местного самоуправления в России.

Ключевые слова: государство, общество, вече, монархия, местное самоуправление, политико-культурная традиция.

Annotation. *The article is devoted to clarifying the essence of domestic political subjectivity of the domestic society, namely the emerging specifics of the interaction of macro-social (state) management structures and grassroots (local) institutions. To do this, the author seeks to identify the most important factors affecting the Russian management specifics, and analyzes the overall dynamics of domestic political development up to the end of the XVII century. In General, the author comes to the conclusion about the haste of the hypothesis that the culture of domestic despotism was formed mainly in the Imperial period. Trends of consistent limitation of grassroots initiatives are observed during most of the period of Russian history before Peter's reforms. The domestic state power from the moment of the origin aspires to strengthening of the position by means of concentration of all main administrative functions, subordinating all other administrative subjects. This process was facilitated by a number of objective factors – the length of the territory, the scarcity of resources, which required a rigid system of distribution at the state level, finally, frequent (if not constant) threats from both the East and the West. Hence the General conclusion about objectivity and historicity of tendencies of strengthening of the state control over structures of local government in Russia is drawn.*

Keywords: STATE, SOCIETY, MONARCHY, LOCAL GOVERNMENT, POLITICAL TRADITION, CULTURAL TRADITION.

Набирающая темпы социальная динамика ставит острые вопросы, в том числе, и перед областью социального управления. Так, для индустриального общественного типа более характерны тяжеловесные общественные структуры, регулировка которых более эффективно осуществлялась посредством вертикального принципа. Иная ситуация складывается в ходе постиндустриальных трансформаций, сопровождающихся преодолением национальных границ, невероятным усилением значения коммуникационных связей (информационная революция). В подобных условиях более востребованным становится не вертикальный, но горизонтальный принцип управления, предполагающий куда большую гибкость, как объектов, так и субъектов управления. Западная обществоведческая мысль (Ф. Шмиттер, Г. Люббе, З. Бжезинский, П. Дракер), подчеркивает целесообразность придания большей политико-управленческой субъектности низовым структурам на современном этапе.

Также стоит обратить внимание на модели взаимоотношения государства и общества, имеющие неоднозначную трактовку. Например, западная либеральная мысль склонна утверждать необходимость жесткого контроля второго над первым, небезосновательно предполагая у государственных лиц стремления к неограниченной власти со всеми вытекающими отсюда злоупотреблениями. Тем не менее, ослабление официальных административных структур могут сопровождаться разгулом

беззакония и анархии в негативном понимании данного понятия, примеры чего можно найти в той же истории западных обществ.

В современных работах предлагается три вариативных формы взаимодействия общества и государства – наиболее конструктивный вариант диалога; форма жесткого противостояния; наконец, автономное существования, когда официальная власть и общество в целом живут «каждый своей жизнью» [13, с.507-508]. Несомненно, что господство той или иной формы во многом обусловлено как ситуационно, так и рядом констант – география, культурные и ментальные особенности, устоявшийся тип общественных отношений и т.п. Но в любом случае, важное значение имеет нахождение некоего баланса между государственной властью и общественными устремлениями. Государственные инициативы, обычно, исходят из потребностей всего общества (национальных интересов), не всегда принимая в расчет ту или иную местную специфику. Последняя представлена институтами, организованными «снизу» и значительно ближе находящимися к реальным потребностям того или иного локализованного социального пространства. Таким образом, актуализируется проблема статуса местных управленческих учреждений, как представителя именно общества (здесь мы не считаем нужным употреблять расхожее западное понятие «гражданское общество»).

Для отечественной ситуации подобная проблема как нельзя более актуальна. В настоящий момент здесь наблюдается скорее усиление, чем ослабление властной вертикали, вопреки зарубежному опыту передовых стран. В то же время, попытки привнесения либеральной модели на российскую почву в 1990-х годах дали, в общем и целом, обратный результат – вместо повсеместного раскрепощения индивидуальной инициативы появился новый теневой субъект власти, придерживающийся тех же авторитарных методов управления, как и официальные власти, подавляя идущие «снизу» инициативы. Подобный факт не особенно противоречит теоретическим выкладкам западной мысли. Еще Ш. Монтескье подчеркивал, что в условиях больших пространств авторитарные методы более эффективны, хотя при этом отнюдь не отвергал жизнеспособность практики управления на местах [1, с.602]. В то же время, имеется точка зрения о том, что внутривластные перипетии 1990-х годов были главным образом предопределены последствиями реформ Петра I, в ходе которых была на отечественную почву внедрена жесткая административно-бюрократическая система, в принципе чуждая России. Императорский период российской истории - это безраздельное господство названной системы, подавляющей едва ли не любые инициативы со стороны общества, в силу чего, успела сформироваться авторитарная культура, не признающая компромиссов. Интересно, что в подобном мнении сходятся некоторые западники (А. Оболонский) и почвенники.

В некотором роде, проверке подобного мнения посвящена настоящая статья, в ходе которой мы нацелены прояснить сущность внутривластной субъектности отечественного социума, а именно

складывающуюся специфику взаимодействия макросоциальных (государственных) управленческих структур и низовых (местных) учреждений. Мы исходим из методологического сочетания универалистского и релятивистского рассмотрения – любая социально-политическая целостность испытывает воздействие каких-то общих тенденций, при этом преломляющихся через определенные местные условия природного и социального плана. В результате получается тот самый феномен традиционной специфики, учет которой зачастую имеет важнейшее значение.

Отсюда, поставленная цель обуславливает необходимость выполнения двух задач. Во-первых, определить наиболее важные факторы, отражающиеся на российской управленческой специфике. Во-вторых, проанализировать общую динамику отечественного внутривластного развития вплоть до конца XVII в. с позиции влияния развивающихся государственных учреждений на структуры местного управления.

Итак, особенности складывающейся в отечественном социуме модели управления представляют результат воздействия группы разноплановых факторов.

Прежде всего, следует отметить природно-географические условия – протяженность территории, рельеф и климатические особенности. Важное значение этих признаков подчеркивал не только выше упомянутый Ш. Монтескье, но и русский мыслитель В. Н. Татищев [12, с.507-508]. Под существенным воздействием природных условий формировался определенный тип экономических, политических и культурных отношений, что разделяется многими современными учеными (А. Паршев, К. Жуков, Л. Милов и др.). В этом плане весьма суровые климатические условия не позволяли на большей части российских земель получать изобильные урожаи, что определяло довольно ограниченный прибавочный продукт [7]. Последний требовал жесткой системы распределения, которую могла обеспечить, прежде всего, сильная центральная власть.

В некоторой степени отражением природных обстоятельств можно считать социально-исторические факторы. Хотя немаловажное, а скорее даже большее значение на них оказывает взаимоотношения народов друг с другом. Серединное расположение между Западом и Востоком обусловило влияние обеих цивилизационных типов. Кроме того, довольно реальной была угроза внешнего вторжения, которая исходила, главным образом, из восточных степей, являвшихся источником миграционных волн кочевых народностей. На протяжении многих веков взаимодействия «больших» и «малых» народов привели к образованию имперского политического пространства, сильного центра, способного в нужный момент и в определенном месте сконцентрировать общественные ресурсы.

Подобные, надо сказать, весьма нелегкие природные и социальные условия, зачастую, ставившие перед отечественным социумом проблему существования, породили своеобразную мобилизационную политическую культуру. Это предполагало популярность в общественном сознании

идеологии революционизма, жертвенности, экстремизма, и одновременно невысокую степень распространения идей консенсуса, переговоров, компромисса. Другой немаловажная черта отечественной политической культуры – дуализм, выражающийся в полярных оценках значительных политических и социальных феноменов.

Третья черта отечественной политической культуры касается патернализма, который имеет особое значение для понимания проблематики традиций управления. Суть патернализма сводится к интерпретации общественным сознанием взаимодействия государство – подданные в качестве семейных отношений. При этом последние изначально носят авторитарный смысл, закрепляясь в первичной ячейке социальных отношений – крестьянской семье. Православная церковь освятила эти отношения, тем самым закрепляя патернализм как аксиому, культурный архетип российской ментальности [2, с.225].

Вышеупомянутые культурно-политические черты работали на типичные для России тенденции державности, усиления властной вертикали авторитаризма и т.п. Опираясь на подобную методологию, современный отечественный исследователь Прохоров А.П. выявляет особенности отечественного подхода к социальному управлению [11]. По мнению этого автора, российской истории присуще подавление в обществе отношений конкуренции, посредством существования специальных экономических, социальных и административных механизмов. Из-за отсутствия здоровой конкуренции отечественная система раз за разом попадает в кризисную ситуацию, выходом из которых оказывается ее перевод в состояние мобилизации. Это предполагает вовлечение всех имеющихся ресурсов на достижение жизненно важных целей, стоящих перед обществом. Именно таким переводом системы в «аварийный» режим Прохоров склонен объяснять крупные успехи как досоветской, так и Советской эпох.

Положительные результаты в таких случаях обеспечиваются:

во-первых, мобилизацией, а также перераспределением ресурсов на наиболее важных направлениях, что обеспечивалось жесткой централизацией;

во-вторых, созданием центральных контрольных, часто репрессивных структур;

в-третьих, определенной автономностью низших подразделений [11, с.37].

Подобный управленческий механизм работал следующим образом: перед первичной ячейкой ставится задача, а та ее выполняет, без особой заботы о чистоте методов. Как пишет упомянутый автор: «выживал тот управленец, который умел...должным образом мобилизовать и перераспределить ресурсы или же мог удачно встроиться в имеющийся механизм их мобилизации или перераспределения» [11, с.44]. Такое явление А. Прохоров интерпретирует как «конкуренцию администраторов», сильная сторона которой проявляется именно при нестабильном (кризисном) состоянии системы, позволяя концентрировать ресурсы в нужное время и в

нужном месте. Тем самым, русская система управления дает большой результат в беспокойном состоянии, тогда как в западной среде все обстоит противоположным образом.

При определенной правоте автора его теория все же вызывает возражения. Например, А. Прохоров склонен видеть в явлении конкуренции только функциональную сторону, вынося «за скобки» ее деструктивные следствия, которые обычно тоже имеют место. В рыночном социуме конкуренция изначально была далека от гуманистических целей и идеалов, но носила агрессивный хищнический характер. Экономический либерализм, Провозглашенная свобода рыночных отношений своим крайним выражением имела форму социал-дарвинизма (Г. Спенсер). Потому не случайно, что сглаживание негативных последствий экономической конкуренции происходит при непосредственном вмешательстве высшей государственной власти или «глубоко эшелонированной обороны институтов гражданского общества» [9, с.38]. Последствия бесконтрольной конкуренции на Западе в полной мере проявились в годы экономического кризиса или Великой Депрессии 1929-1933 гг. В результате в практику государственного управления стала внедряться кейнсианская модель регулируемого государством рынка.

Ряд отечественных и зарубежных ученых считают несколько односторонним видение российской управленческой культуры, предложенное А. Прохоровым. Как пишут авторы коллективной монографии «Муниципальная наука», российский социум всегда заключал в себе «и другие основы социальной организации, зачатки будущих социальных институтов гражданского общества, иные регуляторы общественной жизни – корпоративные, социальные, в большей мере основанные на духовно-нравственных и культурных устоях. Именно поэтому социальная организация российского общества держалась не только на государственности, державности, институтах формальной демократии, но и на корпоративной собственности, корпоративных институтах, духовных и нравственных регуляторах, общественных идеях» [6, с.79].

А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев также стремятся включить в свою методологию учет особенностей культурной традиции и ментальности. Они предлагают обозначать как корпоративно-демократический способ регуляции социальных отношений, присущий российской аграрной среде. Такой способ опирался на договорные отношения, предполагающие не столько ориентацию на центральные власти, сколько стимул к развитию институтов на местах.

Тем не менее, по ходу анализа утверждавшихся и закрепляющихся в России управленческих структур, следует учитывать оба подхода. Собственно же исторические периоды имеет смысл дифференцировать по доминирующим форм общественного управления. С этой точки зрения мы обозначили княжеский период (IX-XIV вв.), московский период (XV-XVII вв.), имперский период (XVIII - 1917 г.), советский период (1917-1991 гг.).

Княжеский период характеризуется, прежде всего, процессами политогенеза славянских племен, а именно становления и развития государственности – от родо-племенных вождей до фактически полновластных самодержцев. На первых порах основой славянской государственности служила «военная демократия», общинная форма властного устройства, достигшая расцвета у славян [5, с.15], а также и у других народов, например, у германцев. Подобное обстоятельство подтверждается византийскими авторами – Прокопием Кессарийским (VI в.) и императором Маврикием (VII в.).

Ведущим органом здесь выступал племенной сход, несколько позже трансформировавшийся в вече (старорусское «вещать» – говорить). Названный орган представлял собой народное собрание, куда были допущены все мужчины, и где решались вопросы управления, установление устраивающих всех правил и норм. Причем, в языческий (дохристианский) период эти нормы закреплялись божественной санкцией со стороны жречества. Вполне естественно, что важнейшим предметом обсуждения была военная сфера. Именно на вече первоначально назначался военачальник – князь, а собственно вече выступало источником его легитимной власти, одновременно накладывая на нее ограничения.

События киевского периода заставляют сделать вывод о том, что вече являлось одним из главных субъектов управления, поскольку решения его имели общегосударственное значение. Об этом свидетельствуют ряд исторических фактов приглашения или изгнания вечем князей. Например, в 1068 г. после поражения от половцев на реке Альте, изгоняется старший Ярославич – князь Изяслав, а народ посадил вместо него его соперника Всеслава; в 1113 г. в Киев княжить приглашается Владимир Мономах, что было нарушением существующего порядка престолонаследия.

Что касается эпохи феодальной раздробленности, то в это время, как известно, территория Руси являла внутренне непрочный конгломерат автономных княжеств. Среди них выделяются три политических типа, которые различались между собой именно степенью функциональности и значимости народного собрания.

Южным русским землям (Киевское, Галицко-Волынское княжества) сложился тип раннефеодальной монархии, где, в целом, продолжались управленческие традиции, сложившиеся в Киевский период. Власть князя имела главную силовую опору в лице дружины, но контролировалась вечевыми структурами. Тем не менее, со временем баланс сил изменялся в пользу княжеско-боярской стороны, тогда как влияние веча все более ограничивалось.

На северо-западе Руси, а именно в Новгородской земле положение дел было принципиально иным. Здесь заявила о себе политическая форма феодальной или «аристократической» республики. По-существу, решающая роль здесь была отведена вече, которое приглашало или изгоняло князей, избирало церковного владыку – архиепископа, а также ведающего гражданскими проблемами посадника, и руководящего ополчением

тысяцкого. Фактически с 1136 г., после изгнания вечею киевского ставленника князя Всеволода Мстиславича, новгородский князь избирался на вече, становясь частью городской администрации, а в его ведении оставалась исключительно военная проблематика. В то же время, работу новгородского веча мог контролировать Правительственный совет, состоявший только из представителей боярства и потому называемый «Советом господ». Последний часто оказывал нажим на членов веча из малоимущих слоев, что, в свою очередь, могло вызвать реакцию – вечевая толпа возмущалась против боярства, обостряя междоусобную борьбу.

Феномен средневекового Новгорода вызывает наиболее неоднозначные оценки. Например, В. Полосин видит здесь явно идеализируемую им форму народовластия, которая имела весьма продуманную управленческую систему, основанную на принципе сдержек и противовесов, отличаясь надежностью и устойчивостью. Крах этой системы произошел в результате военного поражения, а не внутренних проблем [10, с.440-270]. При этом В. Полосин не задается вопросом, что ведь полный разгром новгородского войска при Шелони в 1471 г. явно уступавшим по численности московским отрядом, мог явиться результатом внутренних противоречий и раздоров. Неслучайно, ряд других ученых видят в Новгороде господство олигархической верхушки, которая легко шла на предательство складывающихся тогда общерусских интересов [3, с.528].

Третий политический тип образовался на северо-восточных русских землях, где не успели сложиться сильные вечевые традиции, что, по всей видимости, и предопределило сложившуюся форму великокняжеской деспотической монархии. Роль народного вече здесь была достаточно второстепенной, хотя до определенного времени городские народные собрания Ростова, а затем Суздаля оказывали влияние на политику князей. После воцарения весьма одиозной личности Андрея Боголюбского (1157 – 1174 гг.) принцип подчинения подданных напрямую своему господину князю становится полностью доминирующим.

Тем самым, ранняя отечественная история дает повод отметить следующее.

Феномен самоуправления действительно имеет богатую традицию у славянских народов, составляющих основу русского этноса. Однако с формированием и укреплением централизованного государства, обозначается тенденция со стороны центральных структур всячески ограничить влияние самоуправленческих структур, и особенно явственно этот процесс шел во Владимиро-Суздальском княжестве.

Московский период (XV-XVII вв.) отмечен успешным завершением процесса формирования централизованного государства, в результате которого заявляет о себе самодержавие как специфический тип отечественной государственности. В российской консервативной общественной мысли весьма популярна точка зрения по поводу того, что самодержавие органически присуще русской традиции, его устои освящались Православием, имея существенные отличия от абсолютизма Европы. Правда,

склонный к консерватизму упоминавшийся современный ученый В. Полосин считает самодержавие продуктом, привнесенным вместе с Православным христианством византийской традиции и в целом противоположным славянской народной ментальности и мифологии [10, с.440].

Московское царство являло собой тип сословно-представительной монархии развитого средневековья. Здесь наличествовал орган законосовещательного плана – Земский собор, предполагающий охват всех русских земель. Подобный же институт имел место в других странах Европы – Генеральные штаты (Франция), кортесы (Испания), эйратинг (Скандинавские страны). Начало Земским соборам связывается с правлением Ивана IV Грозного, а именно периода его реформ с Избранной радой. Начиная с 1549г. и вплоть до начала имперского периода, Земские соборы созывались почти 60 раз с целью решения внутренних и внешних проблем. Собственно, принцип Земских соборов связывается с традициями вечевых собраний, а также церковных соборов. Однако российская специфика заключалась в том, что Соборы являли не столько противовес, сколько фактор укрепления центральной власти в отличие от сословно-представительных институтов европейских стран. «Несмотря на серьезные расхождения в материальных интересах, споры, представители сословий искали в Земских соборах не столько новых прав, сколько свое место в решении общегосударственных проблем, что делало возможным принятие соборных, т.е. единогласных добровольных решений» [8]. Наиболее представительным считается Земский собор 1613 г., когда в условиях «смутного времени» фактически решались вопросы, связанные с национальной независимостью. На нем были представлены Боярская дума, Освященный Собор русской церкви, сословные группы дворянства и купечества, казаков и даже черносотного крестьянства. Именно на этом Земском Соборе был избран царем Михаил Романов.

В ходе укрепления государственной власти имеющиеся компоненты самоуправления в сельских общинах, а также городах (посадах) сохранились практически в неизменном виде. Но в крупных поселениях последовательно формируется система государственных учреждений на местах (губные органы), а также институт должностных лиц – городских приказчиков. В правление Ивана Грозного по инициативе Избранной Рады проводится земская реформа, по которой крестьяне и посадские люди (горожане) наделяются правами выбора из своей социальной среды старост и целовальников, земских судей и дьяков («лучших людей»). Крестьянская община наделялась правом избрания сотских, пятидесятских, своеобразных помощников старост и целовальников.

Важно подчеркнуть, что уже в то время компетенции и полномочия избранных голов и старост были довольно ограничены. Им предписывались функции раскладки и сбора налогов, поимка «лихих людей», разборка тяжб и некоторых уголовных дел. В дальнейшем по мере укрепления абсолютизма усилилась тенденция ограничения и без того весьма скромных полномочий местных институтов. Губные и земские старосты все больше попадают под

контроль государственных ставленников - воевод. В конце 1670-х гг. в правление Алексея Михайловича Тишайшего правительство официально усиливает административное управление на местах. «Это более отвечало природе самодержавия, которому был всегда ближе пускай и вороватый, но зато послушный воевода, чем представитель своевольной земщины» [9, с.85]. Закономерно, что во второй половине XVII в. Земские соборы созываются все реже и их значение, фактически, сходит на нет.

Интересно, что в местностях, где государственные управленческие институты по каким-либо причинам не имели сильных позиций (районы северной России) или фактически отсутствовали (южная периферия, Сибирь) местное самоуправление пускало значительно более глубокие корни. Самобытные управленческие организации сложились в казачьей вольнице, на которых были возложены, преимущественно, военно-охранительные функции. В качестве главной структуры являлась самоуправляющаяся община, одновременно представляющая и войсковую организацию. На Дону и в Поднепровье (знаменитая Запорожская сечь) образовались целые казачьи «республики». Тем самым налицо процесс формирования управленческих структур «снизу», который был определенной реакцией на некий административный вакуум, успешно заполняя его.

В отношении Московского периода (XV-XVII) целесообразно предложить вывод, что в ходе усиления государственной централизации наметились две, в чем-то противоположные тенденции. Так, в отдельные моменты центральная власть стремились заложить правовые основы местного самоуправления (земская реформа Избранной рады), с одной стороны. Но, с другой стороны, государственная администрация всячески стремилась контролировать выборные местные органы, фактически, превращая последних в низший уровень управленческой системы русского государства.

Вышеизложенный материал дает основания для следующих заключений.

В целом, гипотеза о том, что именно в императорский период имел место основной процесс формирования культуры российского деспотизма, должна быть переосмыслена. Как видим, тенденции последовательного ограничения низовых инициатив наблюдаются в течение большей части периода российской истории до петровских реформ. Фактически, с образованием государственной власти та стремится к укреплению своего положения посредством сосредоточения всех основных управленческих функций, что не может не происходить посредством подчинения всех иных управленческих субъектов.

Подобный процесс вряд ли стоит объяснять с точки зрения присущей российскому сознанию авторитарной компоненты. Ему способствовал ряд объективных факторов – протяженность территории, скудость ресурсов, что требовало наличия жесткой системы распределения на государственном уровне, наконец, частые (если не постоянные) угрозы, как с Востока, так и с Запада. Тем самым, следует признать объективность и историчность

тенденций усиления государственного контроля над структурами местного самоуправления в России. Это, разумеется, никак не снимает проблематики взаимодействия официальных властей и общественных учреждений особенно на современном этапе, давая повод для его углубленного изучения.

Литература

1. Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. М.: Прогресс, 1993 – 602 с.
2. Ермоленко Т.Ф. *Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология./ под ред. Кислицына С.А. РнД., 1998. С. 225.*
3. Кагарлицкий Б. Ю. *Периферийная империя. Россия и миросистема / Б. Ю. Кагарлицкий*. – М.: УльтраКультура, 2004. – 528 с.
4. Кагарлицкий Б.Ю. *Реставрация в России*. М., 2003. С.38.
5. Кислицын С.А., Кутырев Н.П. *Политико-правовые системы и режимы в истории России // Российская историческая политология./ под ред. Кислицына С.А. РнД. , 1998.С. 15.*
6. *Муниципальная наука: теория, методология, практика / Под общ. ред. В.Н. Иванова М., 2003., С. 79.*
7. Нефедов С.А. *История России. Факторный анализ. Т.1. С древнейших времен до Великой смуты*. М.: «Территория будущего», 2010.
8. Петракова В.Ф. Черноус В.В. *Русская (Российская) цивилизация.// Российская историческая политология./ под ред. Кислицына С.А. РнД., 1998.С.*
9. *Политическая история России / под ред. В.В. Журавлева. М., 1998. С. 85.*
10. Полосин В. С. *Миф. Религия. Государство*. М.: Ладомир, 1999. — 440 с. – с. 270.
11. Прохоров А.П. *Русская модель управления*. М., 2002.
12. Сопов Г.П. *Развитие социально-политической мысли в России до XIX в.// Российская историческая политология./ под ред. Кислицына С.А. РнД., 1998 С. 507-508.*
13. Тамбиянц Ю.Г., Шалин В.В. *Идеология государства и общества: варианты взаимодействия // Общество и право -№1 (59) – 2017. – с. 166-177.*

References

1. Aron R. *Stages of development of sociological thought*. М.: Progress, 1993 – 602 S.
2. Ermolenko T. F. *Paternalism in the political culture of Russia // Russian historical political science./ under the editorship of S. A. Kislitsyna RND., 1998. Pp. 225.*
3. Kagarlitsky B. Yu. *Peripheral Empire. Russia and the world system / B. Y. Kagarlitsky*. - Moscow: Ultraculture, 2004. - 528 p.
4. Kagarlitsky B. Yu. *Restoration in Russia*. М., 2003. P. 38.
5. Kislitsyn S. A., Kutyrev N. P. *Political and legal systems and regimes in the history of Russia // Russian historical political science./ under the editorship of S. A. Kislitsyna RND. , 1998.P. 15.*

6. *Municipal science: theory, methodology, practice* / Ed. V. N. Ivanov M., 2003., P. 79.
7. Nefedov S. A. *History Of Russia. Factor analysis. T. I. from ancient times to the great troubles*. M.: "Territory of the future", 2010.
8. Petrakova, V. F., Chernous V. V. *Russian (Russian) civilization.*// *Russian historical political science.*/ under the editorship of S. A. Kislitsyna RND., 1998.S.
9. *Political history of Russia* / under the editorship of V. V. Zhuravlev. M., 1998. P. 85.
10. Polosin, V. S. *The Myth. Religion. State*. M.: Ladomir, 1999. - 440 p. - 270 p.
11. Prokhorov A. P. *Russian model of management*. M., 2002.
12. Sopov G. P. *Development of social and political thought in Russia up to the XIX century.*// *Russian historical political science.*/ under the editorship of S. A. Kislitsyna RND., 1998 P. 507-508.
13. Tambiyants Yu. G., Shalin V. V. *Ideology of the state and society: variants of interaction* // *Society and law* -№1 (59) – 2017. P. 166-177.